

Товарищи! Не проверить мне Хемингуэя с его Парижем, как и большинству из нас не проверить – я в Пушкина вслушаюсь и присочиню. /Затихло всё, Одесса спит, /Лишь море Чёрное шумит/. Ладно, пейзаж, но какой! А где видел американец ложу, /где /Красой /блестящая, /Негоциантка молодая, Толпой рабов окружена! – где, я вас спрашиваю!

Американец цапкался со своим Парижем, который праздник – прямо куда там – «всегда». Лично я – за Италию. К Горькому на Капри? – с полным моим удовольствием! В грациозном очерке об «Одессе пыльной» Пушкин упоминает язык Италии златой, который звучит на улице весёлой. Потому и я за Италию, а Франция ей в подмётки не годится. Хорошо, Хемингуэя забраковали. Открываем «Детство» Толстого Л.Н. И что ж? А то, что я заявляю с третьей строчки барского детства: «Нет, вашбродь, не то!» Со мной всегда, вашбродь, Южная Пальмира. А в окрестностях Пальмиры той – Вишнёвый переулочек. В нём зачался праздник жизни моей и остаётся со мною поныне.

Переулочек наш лежит на территории доисторической, а его славную историю составляет память о делах насельников Вишнёвого, так что нечего «это вот», господа хорошие. Проложен наш прогончик по правому берегу Узбоя Киммерийского. Тихая река выбежала к нам из необозримых степей, где паслись кони скифов небезызвестных. У самого Понта реке пришлось расширить проход в скале под санаторием лётчиков, и тут уже – Золотой наш Берег. Шикарное название получил пляж, когда нашли неподалеку Скифское Золото. Всякий о находке наслышан, а связать это золото со знаменитым пляжем ума не хватило – появились глупые выдумки. С выдумками и нашему переулочку не повезло. Ведь имя симпатичного прогончика моего Вишнёвого восходит к семейной хронике Турчаниновых, когда в девятьсот ещё втором году погиб Николай Григорьевич Турчанинов, моему дедушке Саше отец родной, а мне прадед, стало быть. Ехал прадед верхом, на посторонках болтался орчик. Лошадь понесла и о притолоку двери в конюшню расшибла седока до смерти.

Дед Саша был младшим из четырёх сыновей сказанного прадеда моего Николая. На нашем Фонтане остались следы Михаила, Ильи и Александра. Четвёртый из братьев, заделался одесситом, и был он Авксентий. С сыном этого Авксентия, с его невесткой и внуками наш дом был «в контакте», выражаясь по-современному или – на папуасском наречии. Иной скажет, что Авксентий – уж слишком. Я тоже думал, что таких имён не бывает, но в судоремонтной жизни моей возник вдруг Бурлака Михаил Авксентьевич, Заместитель Ивана Антоновича Пархонюка, начальника Службы Судового Хозяйства Черноморского Морского Пароходства.

Пароходство это было самым большим на всём земном шаре. В перечне отраслей независимой Украины значилось оно среди первых, как державообразующая отрасль. Её следовало беречь, как зеницу ока. Эта зеница из легендарной Сталинской клятвы над гробом Ленина. Единство Партии и народа тоже следовало беречь и тоже, как зеницу. Ни единство, ни пароходство не уцелели в волнах времён, а как? – тому, возможно, последуют абзацы этого опуса моего. Но проблема из непостижных даже чистому уму, так что едва ли я и осмелюсь докапываться, куда «почёзло наше пароплавание» в три сотни транспортных судов, не считая мелких брызг в виде портфлота, АСПТР и прочих шведов. В утешение можно сказать, что исчезли и другие отрасли, физические и, следом, даже метафизические.

Трёх фонтанским сыновьям прадеда моего нарезали наделы на полоске земли от Рыбачьей до дороги на Люстдорф, где чуть позже «цульман» электрический трамвай затеет. Прогончик назван по вишнёвому саду, что зеленел и благоухал в начале переулочка с каждой весной. Сад разрастался, а вишни в нём были представлены тремя великолепными деревьями «подбельской» или «министра Подбельского», как дедушка мой Саша величал этот сорт. Ряд матерой тройцы министерской, был посажен ещё после Японской. Тогда-то переулочек наш и стал Вишнёвым. Много позже, перед ежовской тюрьмой, успел дедушка Саша добавить к зрелой тройце три молодых «министра» – сад наш отгородился от Рыбачьей шестью вишнями («на загляденье»). Одним словом, имя переулочек носил достойно едва ли не целый век. И вдруг грянуло младое незнакомое время, когда всё продаётся и покупается, и новые власти Южной Пальмиры продали имя Вишнёвого переулочка какому-то штатному. Переулочек вдруг назвали чьим-то именем. Потом подумали и обозвали Вишнёвый переулочек Романтическим! Сатана точно правит бал на просторах родины чудесной – вы вслушайтесь: Романтический переулочек в деревне Большой Фонтан: не цирк ли на дроте?

Но всё образуется, не бойсь! Ведь носила Дерибасовская имя Иона Антонеску. Этого фашизоида убогого петля миновала, хотя за жизни сотен тысяч людей неповинных его следовало повесить, да за ноги, чтоб висел до самой смерти. Ну да ладно, Ион был всего лишь расстрелян, но и этого достаточно: чтоб в топонимику не совался.

ЦЕНА ВИШНЁВОМУ

Вишнёвый наш переулочек ценен, как память прописанных в нём по советским пра-

вилам учёта и надзора. Восемьдесят лет прожил в сказанном переулочке наш дедушка, которого так величали сотни фонтанских, и далеко не все они состояли в каком бы то ни было родстве с дядей или с душкой Сашей. Отсюда ушёл он на действительную. Из далёкого Прибайкалья привёз память о беззаботной солдатчине, о пяти рублях от иркутского губернатора за арию «Чуют правду» в самодеятельности пехотного полка дедова. Дальше – женитьба на красавице Саше, два сына погодка, а чуть погодя и две дочки...

И – на тебе, Гражданская война. От Котовского попал в плен к белым, а там и под расстрел. За долю секунды до смерти упал дед с дядей Филей Крыловским. Лечат друг на друге, сдерживают дыхание. Когда слышно – конный, заложники нужны для обмена. И вот – два сосе-

он – «за позорные полмешка унижительной подачки» будет преступно сотрудничать с оккупантами. И в радостные дни апрельского нетерпения знал, что придут и снова посадят...

Прощальный тур вальса выглядел чуднее чуд заморских. Наши пришли в середине дня десятого, а уже утром одиннадцатого во дворе объявились трое. Это был солдат с карабином, милиционер с пистолетом и Ванька Воин с бердянкой. Ванька приехал рессорником, чтоб авансом конфисковать имущество. Милиционер забирал дедушку в КПЗ за сотрудничество с оккупантами, а солдат – Володю, сына преступника – на борьбу с этими самыми оккупантами... Из имущества Ванька высмотрел только раму велосипедную. Бросил наживу в рессорник, и двор опустел. Бабушка и дочка, мать моя Мария, даже не плакали:

стопы до паха ногою. За всё время Володиной войны госпитальной ничего не знал он о доме на Вишнёвом переулочке...

Не знал, что после недавнего извещения о дяде Коле ночами бабушка воет и стонет по-звериному на кухне и рвёт волосы. Дедушка ещё четыре года не будет знать о гибели сына, но ему в тюрьме легче, так сказать.

– А где папа? – спросил Володя, глянув на толпу родичей и соседей, собравшихся во дворе...

– Так в тюрьме ж, Володя...

– А что Николай?...

Из толпы родичей и соседей раздался стон со сжатыми зубами, и бабушку мою, Александровну Игнатьевну вчетвером уволокли родичи и соседи в кухню...

Володя недолго собирался – на Вишнёвом появляется невестка, а год спустя – дочка. В доме становится тесновато, и Володя берётся за улучшения. Недостроенный неведомым хозяином сарай становится великолепной верандой. К большой комнате пристраивается такая же. Во дворе ставит Володя кухню с санузлом, водогрейкой на соляре и маленькой мастерской. Всё это на двух костылях, но в пятьдесят первом приносят сына, и размещается наследник в квартире с батареями водяного отопления и вообще удобной во всех отношениях...

А патриарх? Так он же в тюрьме отсиживается! Нелёгкая занесла меня в Архангельскую мореходку, и в летнем отпуске я узнаю, что дедушке ещё сидеть и сидеть... Только после всенародного оплакивания Сталина возвращают дедушку на Вишнёвый. А когда охаянного Вождя выволакивают из Мавзолея – дедушке присылают открытку с благодарностью за участие в колхозном строительстве и с извинениями за ошибки Ежова.

Молодым молодое, поводов для застолий с самогонкой и свистопляской хоть отбавляй. Выпивают и поют и за Родину, и за Сталина, и радостные звуки далеко потрясают и Вишнёвый и Рыбачью, – вплоть до Марии Демченко, где давно распустил крылья первенец Турчаниновых. Вот вам и наш переулочек, а иной подумает, что неча это вот, Вишнёвый, Романтический – какая разница...

И ещё... По забытой свободе случилось дедушке Саше бабушку Сашу похоронить. В мучениях умирала бабушка Саша, и приступы боли сопровождалась стоном со скрежетом зубным. Когда стоны стихали, подсаживался дед к умирающей и заливался слезами... Бабушка успокаивала его заверением, что дела её земные все окончены и что пора собираться и ему. Бабушка Саша ошиблась: сборы дедовы затянулись на 14 лет, во время которых его давило одиночество, а врач советовал жениться... Но собрался наш дедушка, и упокоила его общая с супругой могилка на Люстдорфском кладбище. Царство им Небесное – заслужили они вечную жизнь, и никому уж не разлучить их во веки веков...

КОНСТАНТИН ЧЕБАНЮК

НАШ ВИШНЁВЫЙ

да, два свойственника живы и целёшеньки возвращаются к жизни...

Во дворе ни коня, ни вола, но живому-живё, через десять лет даже Володя «нашёлся», потом – колхозное строительство зашумело, дедов первенец порадовал внучками и внуками. Это уже со своих хлебов, а на Вишнёвом только я родился у младшей дочери Турчаниновых Марии.

Так что, ни пятнышка на голубом небосводе? Нет! на излёте ежовщины обнаружили под личиной колхозного бригадира вредителя. И был это наш дедушка. По счастью Берия расстрелял Ежова, и без передних зубов, духовно изувеченный, вернулся Александр Николаевич Турчанинов к мирной жизни. Но судьба гналась за дедовой семьёю, как сумасшедший, с бритвою в руке...

Дедушку Сашу не просто выпустили гамузом среди нескольких сотен тысяч, но освободили по суду. Суд проходил с положенными процедурами, и скоро свидетели превратились в лжесвидетелей, а государственный адвокат дедов шептал на ухо подзащитного: «Они совсем заврались, ихнее положение хуже Вашего»...

– Да Бог с ними, гражданин адвокат... Бог им судья... – шепелявил обвиняемый и дрожал. – Иди знай. – Добавлял он печально...

Увы, волоса не обронили бдительные стражи колхозного благополучия, а дедушка дрожал и делал всё, чтоб не обидеть правление колхоза, где спокойно сидели общественные обвинители и ждали своего часа. Казалось бы, сколько можно мстить за неправильную раздачу земли народу, до гробовой доски, что ли? Вот именно! И старый Турчанинов будто предчувствовал, что грянет оккупация и что женщины будут работать в колхозе XX-летия пролетарской революции за полмешка зерна, а

дедушка говорил задолго до радостного апреля, что придут и снова посадят... И на сей раз засел Александр Николаевич капитально. Давным-давно написал я о махаче Судьбе. Помните, как у Пушкина: /«Стихи на случай сохранились, /О, бедо, долго ж вы копились, /Но неужель, о, Боже мой, / Все только за его спиной?»/

Я же смотрел на Судьбу как на распределителя событий и бед, чтоб под Луною досталось каждому в меру, как еда у Собакевича. Вот посмотрите:

В мир ты пришёл – ни рубашки, ни звания, криком простым энергично кляня

Резкую смену среды обитания, требуешь громко «обратно меня!»

То есть назад? Так у нас не бывает, раз народили, то только вперёд,

Претерпевать в человеческой стае, всё, что с небес кто-нибудь ни пошлёт.

А небесам нашим шутки неведомы, так изузорят подлунный твой путь,

Загромоздят разноцветными бедами, что ни минуты не передохнуть.

Раб ты потомственный, знатной фамилии отпрыск достойный – достанется всем,

Будет отпущено бед в изобилии, сложных проектов, отменных систем.

Но загляните ж вы в мой перечень: события в нём укрупнены, мелочи легко угадываются. Володя, обученный осовавихимовец, сразу был приставлен вторым номером к пулемёту. При отражении первой же атаки был ранен в левую ногу. Всё это перед двадцатым днём Ангела, задолго до осеннего двадцатилетия. После ряда госпиталей занесло Володю в Баку, где он перенёс несколько операций из-за разрывной пули и «окопной» запущенности раны. Домой вернулся только в марте 45-го на двух костылях с забинтованной от